

А. Эрлих

А. П. ЧЕХОВ

Еще при жизни А. П. Чехова Максим Горький писал: «...когда умрет Чехов, — умрет один из лучших друзей России, друг умный, беспристрастный, правдивый, — друг, любящий ее, сострадающий ей во всем, и Россия вся дрогнет от горя и долго не забудет его, долго будет учиться понимать жизнь по его писаниям, освещенным грустной улыбкой любящего сердца, по его рассказам, пропитанным глубоким знанием жизни, мудрым беспристрастием и состраданием к людям, не жалостью, а состраданием умного и чуткого человека, который все понимает».

Минуло тридцать пять лет с тех пор, как не стало Чехова, а облик писателя, внутренняя сущность его, выраженная в замечательных рассказах и повестях, — все возникает к новой, бесконечно повторяющейся жизни; миллионы новых читателей впервые узнают его и проникаются любовью к нему, нежной признательностью и глубокой благодарностью.

Чехов творил в самые глухие, самые печальные времена, когда самодержавные основы казались несокрушимыми, а первая революция, первая «репетиция» ее, только еще зрела в тайниках тогдашней жизни. Он писал о старой, коснеющей, предреволюционной России, о поколении русских людей конца прошлого века, — и грустны были его рассказы; даже те произведения Чехова, которые вызывали улыбку и смех, не были лишены печали и горечи.

«Злоумышленник», «Толстый и тонкий», «Унтер Пришибеев», «Человек в футляре» — какой из этих «веселых» рассказов не вспомнить, — в каждом мы найдем одну и ту же чеховскую интонацию участия и милосердия: он не издевается над своими персонажами, не клеймит их, а сочувствует и страдает им. Учитель греческого языка, терроризовавший город страхом перед каждым новшеством и каждым, даже самым полезным, начинанием, или бывший унтер, добровольно взявший на себя постыдную роль соглашателя и блюстителя, — все они в сущности не злодеи, а жертвы; их души искалечены черной эпохой гнета, долгими годами насилия.

Художник, горячо любивший свою родину и свой народ, никогда не ограничивался поверхностным раскрытием явления. Он обнажал своих персонажей до конца, всесторонне и глубоко. Он неизменно раскрывал перед читателем действительный источник человеческих низостей и пороков, и если не призывал к борьбе с этим источником, то прививал отвращение и ненависть к нему.

Чехов мечтал о будущей, светлой жизни. Он страстно верил в неизбежную победу человечества — пусть не скоро наступит желанная пора, пусть случится это «через двести, триста лет», но это будет непременно! «Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах, мы увидим, как все зло земное, все наши страдания потонут в милосердии, которое наполнит собою весь мир, и наша жизнь станет тихой, нежной, сладкою, как ласка».

Эта нота светлой, проникновенной уверенности, это звучание надежды, это устремление в далекую, но безусловную радость будущего повторяется в каждом произведении Чехова тем громче, чем печальнее изображает художник настоящее.

История движется бесконечно быстрее, чем это думалось Чехову. Мечты его исполняются на наших глазах.

Некогда молодой Чехов писал одному из современников своих: «Напишите-ка рассказ о том, как молодой человек, сын крепостного, бывший лавочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, целовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без галош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек выдавливает из себя по капле раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не рабская кровь, а настоящая человеческая».

Борьба с угодничеством, низкопоклонством, лицемерием, жадностью, страхом перед сильными мира сего и со всеми остальными низостями и слабостями маленького человека в капиталистических

условиях была главной, ведущей темой всего чеховского творчества. Однако никто из его персонажей не смог «выдавить из себя по капле раба», и светлое, прекрасное утро для них так и не наступило.

Это утро смогло просиять только в наши дни. Чехов подготовлял к нему, он приучал ненавидеть и презирать в самом себе рабские черты, он прививал своим читателям страстную жажду к совершенствованию, к развитию высоких моральных качеств, достойных человека.

Чеховские рассказы и повести звучат и в наши дни с неслабеющей силой, они волнуют и пленяют нас. Многие типические образы, созданные им, не потеряли своей жизненности, изменилось только отношение к ним. «Тонкие», теряющие человеческий облик от одной лишь случайной встречи с «толстыми», живы и поныне. Но в прежних условиях они могли быть жертвами; посмеиваясь над ними, мы одновременно испытывали чувства горечи, досады, оскорбленного достоинства, мы сочувствовали и страдали им, безжалостно изуродованным маленьким людям. Теперь душевные качества «тонких» ни в какой мере не порождаются извне, в них выражены отвратительные, унижительные пережитки прошлого. Мы боремся всей страной над уничтожением из самой памяти, из самой крови нашей этих пережитков рабского прошлого и клеймим «тонких», травим подхалимов и прислужников без всякой уже тени жалости или сострадания. Лаевский из «Дуэли» — классическое выражение человеческой слабости, безволия, беспринципности. Чехов писал своего Лаевского беспристрастно; он не щадил его, но и не обвинял; Лаевский — тоже жертва своего времени, своих условий быта, своего окружения и воспитания. Вымерли Лаевские в наши дни? Разумеется, нет еще. Но особенности их характера, их студенистая, дряблая, бессильная сущность больше ни в ком не вызовут грустной и нежной улыбки. Они вошли в новую, счастливую и здоровую жизнь как рудиментарные остатки жизни прежней, омерзительной и подлой. Мы презираем, ненавидим и вытравливаем их.

Чехов живет в наши дни полнее и действеннее, чем когда бы то ни было. Чеховские строки очень часто упоминаются в наших политических статьях и фельетонах, содействуя нам в развитии высоких моральных качеств нового человека. «Унтер Пришибеев» или «Человек в футляре» всегда были нарицательными образами, но только теперь неизмеримо сильнее их обличительная и воспитательная роль.

На XVI съезде ВКП(б), когда еще не было известно, какой глубины падения и предательства достигли бухаринцы, товарищ Сталин говорил:

«Они болеют той же болезнью, которой болел известный чеховский герой Беликов, учитель греческого языка, человек в футляре... Он боялся, как чумы, всего нового, всего того, что выходит из обычного круга серой обывательской жизни. Открыли новую столовую, — у Беликова уже тревога; «оно, конечно, может быть, и хорошо иметь столовую, но смотрите, как бы чего не вышло».

Сталин решительно осмеял правых, повторяя много раз чеховскую фразу «как бы чего не вышло» под неудержимый хохот и аплодисменты всего зала.

«Особенно смешные формы принимают у них эти черты человека в футляре при появлении трудностей, при появлении малейшей тучки на горизонте. Появилась у нас где-либо трудность, загроздка, — они уже в тревоге: как бы чего не вышло», — говорил в своем докладе вождь партии.

Так Чехов в наши дни послужил нам острым, разящим оружием в политической борьбе.

Миновали годы; замечательный писатель, величайший мастер русского слова, умный, нежный и правдивый друг, горячо любивший свою страну и свой народ, жив навеки в своих произведениях, и память о нем вечно лелеять будет благодарный советский народ.